

Константин Дмитриевич Ушинский
1823 – 1870

Протоиерей Борис Пивоваров

Православная антропология в трудах К.Д.Ушинского и святителя Луки (Войно-Ясенецкого)

Предисловие

«Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» — так озаглавлен главный педагогический труд Константина Дмитриевича Ушинского (1823–1870), 200-летие со дня рождения которого нынче торжественно отмечается в России. Над своей педагогической антропологией славный русский педагог неустанно трудился последние годы жизни — с 1864 по 1870 год.

«Дух, душа и тело» — так называется знаменитое творение святителя Луки (Войно-Ясенецкого; 1877–1961), архиепископа Крымского и Симферопольского. Архиепископ Лука написал эту книгу в 1940 году, когда в разгаре была борьба против православной веры и Церкви.

Антропология — наука ныне весьма востребованная. Антропология научная и антропология богословская иногда сопоставляются, иногда подразделяются, а иногда противопоставляются.

Протоиерей Вадим Леонов, начиная своё исследование «Основы православной антропологии», объясняет: «Слово „антропология“ всем знакомо. Оно составлено из двух греческих слов: *ἄνθρωπος* — человек и *λόγος* — слово, учение, разум; то есть антропология — это учение о человеке»¹.

Далее автор пишет: «В жизни человека можно выделить две сферы его бытия: видимую и невидимую. Они тесно взаимосвязаны. Более того, можно с уверенностью сказать, что невидимые основания жизни человека во многом определяют его внешнее поведение и жизнь. Однако если видимая (наблюдаемая) сторона человеческого существования (физиология, поведение, эмоции, интеллектуальная деятельность и т. д.) доступна научному исследованию и анализу, то невидимая сторона (взаимосвязь с Богом, духовные принципы жизни, нравственная сфера и т. д.) ускользает от взора внешнего наблюдателя и не может быть зафиксирована приборами, проверена и опробована экспериментально. Исследова-

¹ Протоиерей Вадим Леонов. Основы православной антропологии: Учебное пособие. — М.: Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2013. — С. 11.

нием человека занимаются не только точные науки, но и философия, и все виды искусств. В целом складывается очень насыщенная, пёстрая, весьма ценная и чрезвычайно противоречивая картина, но в большей своей части она описывает видимую сторону человеческого бытия. Метафизические и онтологические основания человеческой жизни остаются недоступными. Именно об этих таинственных основах бытия человека и пойдёт у нас далее речь»².

Таким образом, в «Основах православной антропологии» протоиерей Вадим Леонов представляет антропологию как богословскую дисциплину. В современном мире, указывает он, «имеется множество учений о человеке, но наша цель — именно христианская антропология. Слово „христианская“ мы употребляем как синоним слов „православная“ или „церковная“»³.

Говоря о современном научном представлении о человеке, протоиерей Вадим Леонов подчёркивает: «По ходу работы мы старались не выстраивать параллели с современным научным знанием о человеке и дистанцироваться от популярных идей из секулярной среды, чтобы не замутить внешними ассоциациями чистоту церковного учения. На первом этапе, как нам кажется, важно собрать божественное Откровение о человеке в том виде, в каком оно представлено в Священном Писании и Предании Православной Церкви. Интерпретация этого знания в практических сферах — уже иная деятельность, которая возможна только после полноценной проработки первого этапа. Поэтому читателя мы просим подготовиться прежде всего именно к богословскому чтению, к богословскому осмыслению бытия человека»⁴.

Действительно, в православной антропологии и в светских антропологических исследованиях подходы к изучению человека различаются. Истоки православной антропологии — в Священном Писании. Святой псалмопевец с благоговением вопрошает Бога: *«Что есть человек, яко помниши его? Или сын человек, яко посещаеши его?»* (Пс. 8, 5).

А в чём истоки светских антропологических исследований? Именованное «антропология» носит целый ряд научных дисциплин. Существует антропология, изучающая биологические и медицинские проблемы. В ней человека изучают как биосоциальный феномен. Есть антропология, которая изучает ископаемые древнейшие останки человека. Появились антропологическая лингвистика, культурная антропология и философская антропология. Возникли многочисленные «институты

² Там же. — С. 11–12.

³ Там же. — С. 11.

⁴ Там же. — С. 8.

человека»... Так человек «превратился» в общенаучную глобальную **проблему**.

Некоторые авторы человековедческих исследований на вопросы «Что есть человек? В чём смысл его жизни?» вслед за своими безбожными учителями дают материалистический ответ. Но, слава Богу, есть много учёных, не забывающих о душе человека и стремящихся постигнуть богоподобное достоинство человека. Духовная жизнь продолжает составлять важнейший компонент жизнеутверждающего мировоззрения православных людей. Антирелигиозный же гуманизм постепенно трансформируется в трансгуманизм, который грозит человеку расчеловечиванием.

Труды К. Д. Ушинского и святителя Луки (Войно-Ясенецкого) по антропологии примечательны тем, что в них православный взгляд на человека выстраивается с учётом современных авторам естественнонаучных представлений о человеке (теорий и гипотез) и критикой псевдонаучных гипотез, опирающихся на материалистический, то есть безбожный взгляд на человека. В этом актуальность антропологических трудов К. Д. Ушинского и святителя Луки.

«Дух, душа и тело» святителя Луки — книга апологетическая. «Человек как предмет воспитания» К. Д. Ушинского — книга педагогическая. Но при этом «Педагогическая антропология» К. Д. Ушинского носит также ясно выраженный апологетический характер.

Знать всего человека!

Едва приступив к педагогической практике, Ушинский написал в одной из своих статей: «Всё школьное учение и вся школьная жизнь должны быть проникнуты разумным, религиозным и нравственным элементом»⁵.

В главном своём труде «Человек как предмет воспитания» Ушинский ясно определил: «Педагогика — не наука, а искусство: самое обширное, сложное, самое высокое и самое необходимое из всех искусств»⁶. Он учил: чтобы воспитывать, обучая человека, надо **знать всего человека**. «Воспитатель должен стремиться узнать человека, каков он есть в действительности⁷, со всеми его слабостями и во всём величии, со всеми его будничными, мелкими нуждами и со всеми его

⁵ Ушинский К. Д. Родное слово (Книга для учащихся) // Ушинский К. Д. Собрание сочинений: В 11-ти тт. — Т. 6. Родное слово. — М. -Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1949. — С. 259.

⁶ Ушинский К. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. — Изд. 2-е, испр. самим автором. — Т. 1. — СПб., 1871. — С. XVIII.

⁷ Выделения курсивом здесь и в последующих местах принадлежат К. Д. Ушинскому.

великими духовными требованиями. Воспитатель должен знать человека в семействе, в обществе, среди народа, среди человечества и наедине со своею совестью; во всех возрастах, во всех классах, во всех положениях, в радости и горе, в величии и унижении, в избытке сил и болезни, среди неограниченных надежд и на одре смерти, когда слово *человеческого* утешения уже бессильно»⁸. Таким учителем, воспитателем и наставником, несомненно, был сам Константин Дмитриевич Ушинский.

Он трепетно относился к священному делу воспитания: «Мы сохраняем твёрдое убеждение, — писал Ушинский, — что великое искусство воспитания едва только начинается, что мы стоим ещё в преддверии этого искусства и не вошли в самый храм его, и что до сих пор люди не обратили на воспитание того внимания, какого оно заслуживает»⁹.

Ушинский считал, что целью, идеалом педагогики является совершенный человек. В предисловии к первому тому педагогической антропологии Ушинский писал, что **«вечно предшествующий идеал [педагогического] искусства есть совершенный человек»**. А педагогика «стремится к идеалу вечно достигаемому и никогда вполне недостижимому». В материалах к третьему тому педагогической антропологии (Ушинский не успел завершить и издать эту часть своего труда) прямо говорится об идеале воспитания: **«Этот идеал надо внедрять детям с детства, этот идеал — Христос. Каждый христианин рождён для высшего совершенства!»**¹⁰

«Опыт педагогической антропологии» К. Д. Ушинского — уникальное творение великого педагога-наставника, — к сожалению, пока ещё далеко отстоит от современного школьного русского учителя. Утверждая, что педагог должен знать всего человека, знать, каков он есть в действительности, Ушинский не только подробно излагает необходимые педагогу научные сведения по физиологии и психологии, но и прямо говорит о том, сколь важное значение в воспитании занимает душа человека.

Многие педагоги слышат и произносят слова «психология», «психолог», но употребляют их как эвфемизмы. А Ушинский всерьёз говорит о душе. При этом он убедительно показывает, что материалистический подход к психологии внутренне противоречив и совсем ненаучен. Психология — это наука о душе. *Психи* (*ψυχή*) в переводе с греческого означает *душа*. Но психология как **наука о душе без души** — это бессмыслица, нелепость, несообразность!

⁸ Ушинский К. Человек как предмет воспитания. — С. XX.

⁹ Там же. — С. XX—XXI.

¹⁰ Ушинский К. Д. Собрание сочинений: В 11-ти тт. — Т. 10. Материалы к третьему тому «Педагогической антропологии». — М.-Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1950. — С. 323.

Рассматривая человека как предмет воспитания, Константин Дмитриевич Ушинский в своей педагогической антропологии представляет человека во всей его целостности. Начинает он с телесного состава человека (физиология). Затем обращает свой взор на душевное устройство человека (психология). А в заключение он говорит о духе — о духовной составляющей человека. Согласно библейской антропологии человеческий состав — это душа и тело (дихотомия). Или даже — дух, душа и тело (трихотомия), когда дух воспринимается как высшее проявление божественных душевных дарований человека.

Доктор педагогических наук иеродиакон Нафанаил (Бобылёв) говорит: «Само строение „Педагогической антропологии“ К. Д. Ушинского соответствует святоотеческим представлениям о трёхчастности строения человека: тело, душа, дух. Первые два тома посвящены телу и душе. В последнем томе рассматриваются вопросы, связанные с духовной природой человека. Соответствует также святоотеческой традиции и применяемый в „Педагогической антропологии“ метод изучения души человека — непосредственное наблюдение над собственной душой: „На основании этих-то воспоминаний душой своей собственной истории человек полагает возможным действовать на душу другого человека и избирает для этого именно те средства, действительность которых испробовал на самом себе“.

Подобный подход в принципе отличается от той абстрактной психологии, которая изучается в наших университетах, равняется на естествознание, видя в нём образец научности, и тем самым превращает человека в механическую систему. Святые отцы путём самопознания, путём истинных первопроходцев извели все пустыни и бездны падшей души человека, ни один их совет не носит отвлечённого характера, все они проистекают из их собственного опыта. Не мыслит иного пути для педагога и К. Д. Ушинский, требуя от воспитателя истинного христианского смирения, при котором „человек с глубокой болью в сердце осознаёт свою испорченность и все свои скрытые пороки и преступления своей жизни, сознаёт даже и тогда, когда толпа, видящая только внешнее, а не внутреннее, называет эти преступления безразличными поступками, а иногда и подвигами“»¹¹.

¹¹ Бобылёв Б. Г. Молитва, обращённая к Богу: о христианских основах педагогики К. Д. Ушинского // «Источниковедение в школе». — 2023. — Вып. 1 (19). — С. 144—145.

Автор — доктор педагогических наук, кандидат филологических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ, магистр богословия. В 2019 году принял монашество с именем Нафанаил.

К. Д. Ушинский учил: чтобы воспитывать, обучая человека, надо **знать всего человека**. Святитель Лука подобно этому считал: чтобы лечить человека, надо **знать всего человека**: «Мы ошибочно думаем, что врач отвечает только за человеческое тело. А ведь на его плечи часто ложится ответственность и за человеческую душу, за моральное и духовное состояние пациента».

Осознание этого факта ставит перед врачом задачу комплексного подхода в лечении человека. В «Очерках гнойной хирургии» святитель Лука пишет: «Приступая к операции, надо иметь в виду не только брюшную полость, а всего больного человека, который, к сожалению, так часто у врачей именуется „случаем“. Человек в смертельной тоске и страхе, сердце у него трепещет не только в прямом, но и в переносном смысле. Поэтому не только выполните весьма важную задачу подкрепить сердце камфарой или дигаленом, но позаботьтесь о том, чтобы избавить его от тяжёлой психической травмы: вида операционного стола, разложенных инструментов, людей в белых халатах, масках, резиновых перчатках, — усыпите его вне операционной. Позаботьтесь о согревании его во время операции, ибо это чрезвычайно важно»¹².

В одной из проповедей святитель Лука говорил: «Болезни — это самая тяжкая скорбь человечества. Много есть болезней страшных и мучительных, совершенно искажающих жизнь человека, мешающих ему жить и действовать, повергающих его в безграничную скорбь, в тоску, слёзы и уныние». В то же время святитель Лука учил о спасительной, исцеляющей силе скорбей, о принятии страданий с кротостью и смирением. В 1943 году, в тяжелейший момент своих архипастырских трудов и подвигов, в одном из писем сыну он написал: «Я полюбил страдание, так удивительно очищающее душу»¹³.

Это созвучно учению преподобного Исаака Сирина: «Человек, о котором особенно печётся Бог, познаётся по непрестанно посылаемым ему печалям».

«Очень трудно переносить Божие наказание, трудно идти путём крестным, путём страданий, — писал святитель Лука. — Но Господь укрепляет на этом пути всякого, кто не ропщет, кто принимает наказание, как послушный ребёнок от родителей своих. Господь поддерживает его, точно за руку ведёт — ведёт по пути спасения»¹⁴.

¹² Войно-Ясенецкий В.Ф. (архиепископ Лука). Очерки гнойной хирургии. — М.: Изд-во «Бином», 2000. — С. 4.

¹³ Этими же словами называется автобиография святителя Луки. См.: *Святитель Лука Крымский. Я полюбил страдание*. — М.: Изд-во «Сибирская благовозвонница», 2023.

¹⁴ Лука (Войно-Ясенецкий), святитель. «Сила моя в немощи совершается». Духовные беседы. — М., 1997. — С. 36–37.

В страданиях ближнего святитель Лука видел призвание к самоотверженному служению ближнему ради Христа. А полноценное врачебное лечение страдающей природы человека он совершал, соединяя докторские знания с целительной силой молитвы.

Святитель Лука был поистине врачом душ и телес человеческих. Во время Великой Отечественной войны святитель Лука подвизался в Красноярском эвакогоспитале 15-15, и вот как он передавал свои впечатления о встречах с исцелёнными им воинами: «Светом любви и радости озарялись палаты этого госпиталя, когда входил я в них; высоко поднятыми ногами и руками, исцелёнными мною, салютовали мне страдальцы за Родину. Это незабываемо, ибо это чистые излияния любви».

О содержании «Педагогической антропологии» К. Д. Ушинского

«Человек как предмет воспитания» — так необычно называется антропология К. Д. Ушинского. Великий педагог замыслил изложить свой труд в трёх томах. Успел он написать и издать только два первых тома, но оставил материал и для третьего тома.

Чтобы осилить, то есть внимательно и неспешно прочитать всю педагогическую антропологию К. Д. Ушинского, необходимо прежде проникнуться его другими сочинениями — учебниками «Родной мир», «Родное слово» и его удивительными статьями по педагогике.

В предисловии к первому тому «Педагогической антропологии» К. Д. Ушинский написал: «Искусство воспитания имеет ту особенность, что почти всем оно кажется делом знакомым и понятным, а иным даже делом лёгким, — и тем понятнее и легче кажется оно, чем менее человек с ним знаком, теоретически или практически»¹⁵.

Далее автор спрашивает: «Но разве есть *специальная наука воспитания?*»

«Отвечать на этот вопрос положительно или отрицательно можно только определив прежде, что мы разумеем вообще под словом наука»¹⁶.

К. Д. Ушинский был человеком изумительной эрудиции в философии, истории, естествознании, современной ему зарубежной педагогике. Для него наука имела чрезвычайное значение. Но при этом он ясно сознавал, что «вверяя воспитанию чистые и впечатлительные души детей, вверяя

¹⁵ Ушинский К. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. — Т. 1. — С. 1.

¹⁶ Там же.

для того, чтобы оно провело в них первые и потому самые глубокие черты, мы имеем полное право спросить воспитателя, **какую цель он будут преследовать в своей деятельности**, и потребовать на этот вопрос ясного и категорического ответа»¹⁷.

Как уже отмечалось, педагогику К. Д. Ушинский считал не наукой, а искусством. При этом педагог считал, что искусство воспитания должно «опираться на науку»: «И если нельзя требовать от воспитателя, чтобы он был специалистом во всех тех науках, из которых могут быть почерпаемы основания педагогических правил, то можно и должно требовать, чтобы ни одна из этих наук не была ему совершенно чуждою, чтобы по каждой из них он мог понимать, по крайней мере, популярные сочинения, и стремился, насколько может, приобрести *всесторонние* сведения о человеческой природе, за воспитание которой берётся»¹⁸.

К. Д. Ушинский в своей педагогической антропологии предлагает следующую последовательность рассмотрения явлений человеческой природы: «Сначала мы естественно займёмся тем, что нагляднее, и изложим те физиологические явления, которые считаем необходимыми для ясного понимания психических. Затем приступим к тем психо-физическим явлениям, которые, сколько можно судить по аналогии, общи в началах своих как человеку, так и животным, и только под конец займёмся чисто психическими, или лучше сказать, *духовными* явлениями, свойственными одному человеку»¹⁹.

В первом томе «Педагогической антропологии» К. Д. Ушинский изложил «немногочисленные физиологические данные» и «весь *процесс сознания*, начиная от простых первичных ощущений и доходя до сложного рассудочного процесса».

«Во втором томе излагаются процессы душевных чувств, которые в отличие от пяти внешних чувств называются *чувствованиями*, а иногда *чувствами душевными*, или *чувствами сердечными и умственными* (каковы: удивление, любопытство, горе, радость и т.п.). В этом же томе, за изложением процесса желаний и воли, изложим мы, — писал К. Д. Ушинский, — и духовные особенности человека, оканчивая тем нашу *индивидуальную* антропологию.

Изучение человеческого общества с педагогическою же целью потребовало бы нового, ещё большего труда, для которого у нас не достанет ни сил, ни знаний.

¹⁷ Ушинский К. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. — Т. 1. — С. VII.

¹⁸ Там же. — С. XVIII–XIX.

¹⁹ Там же. — С. XXXIV.

В третьем томе мы изложим в системе, удобной для обозрения, те педагогические меры, правила и наставления, которые сами собою вытекают из рассмотренных нами явлений человеческого организма и человеческой души»²⁰.

К. Д. Ушинскому не довелось завершить и издать третий том «Педагогической антропологии». Составляя первый том и второй, он нередко, прямо в тексте, делал **отсылки** к планируемому третьему тому, в котором желал исследовать и описать **«особенности человеческой души»**.

Анализируя психические явления, К. Д. Ушинский на первое место в жизнедеятельности души ставил стремления души человека: **«стремление её к деятельности»**. «Это стремление души до того фундаментально, до того лежит в основании всех прочих психических явлений, что если мы самую душу не называем деятельностью, как это делал Аристотель, то только потому, что такое название могло бы, лишив душу собственной её субстанции, повести к ложному её пониманию как деятельности телесного организма (какой и старается представить её современный материализм. См. Фогта, Молешотта), тогда как мы уже доказали, что психическую деятельность, не изменяя здравому смыслу, нельзя вывести из свойств известной нам материи и даже из того понятия о материи, которое мы только можем себе составить»²¹.

А далее К. Д. Ушинский говорит о самом главном в педагогике. «Мы видели также, что в человеке цель воспитания составляет душа, для которой существует тело. Теперь же мы видим, что и в душе целью воспитания есть дать ей вечную, по возможности, полную, широкую, поглощающую её деятельность. Дать труд человеку, труд душевный, свободный, наполняющий душу, и дать средства к выполнению этого труда — вот полное определение цели педагогической деятельности»²².

В конце второго тома «Педагогической антропологии» К. Д. Ушинский написал: «Приняв, что свободная, излюбленная деятельность одна способная удовлетворить требованию души человеческой и дать ей тот мир, которого она так жадно ищет, мы не знаем ещё самого содержания этой деятельности. Анализируя психические явления, мы нашли в основе их стремления; а анализируя самое проявление стремлений и их взаимное отношение, мы нашли самое коренное в них, вокруг которого группируются все остальные. Но, чтобы узнать какова та деятельность, к которой стремится душа человеческая, мы, конечно, должны изучить прежде

²⁰ Ушинский К. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. — Т. 1. — С. XXXIV—XXXV.

²¹ Ушинский К. Д. Собрание сочинений: В 11-ти тт. — Т. 10. Материалы к третьему тому «Педагогической антропологии». — М.-Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1950. — С. 566.

²² Там же. — С. 574.

особенности этой души, чем мы и займёмся в третьем томе нашей „Антропологии“»²³.

До конца жизни Константин Дмитриевич надеялся завершить свою «Педагогическую антропологию». В письме (от 15 января 1869 года) своему единомышленнику барону Н. А. Корфу, который широко применял в своей педагогической практике учебники Ушинского, он писал: «В настоящее время я оканчиваю второй том моей „Антропологии“, труд, как я и сам знаю, в высшей степени несовершенный, но который, как я убеждён, принесёт со временем немалую пользу»²⁴.

28 мая 1869 года он писал Н. А. Корфу: «Посылаю Вам две первые части моей „Антропологии“. Когда выйдет третья — ещё и сам не знаю. Теперь же я намерен окончить и приготовить к печати русскую грамматику или, лучше сказать, первоначальный курс, который мог бы дать ученику возможность не затрудняться в употреблении письменного языка»²⁵. 23 февраля 1870 года извещал своего соратника: «Если здоровье моё потянет, то, как разделяюсь с 3-м томом „Антропологии“, займусь исключительно народным образованием»²⁶.

Следующее письмо Корфу было написано Ушинским 28 мая 1870 года из Крыма: «Написать книгу для народной школы составляет уже давно мою любимую мечту, но, кажется, ей и суждено остаться мечтою. Прежде мне необходимо кончить „Антропологию“, и потом только я хоть сколько-нибудь применю „Родное слово“ к потребностям сельской школы. Кроме того, у меня на душе ещё первоначальная география, как окончание „Родного слова“. Вот сколько дела, а где силы? И всего досаднее, что в голове всё это давно готово, так что 3—4 месяца прежнего здоровья — и я бы, кажется, всё кончил»²⁷.

Последнее письмо Н. А. Корфу Ушинский написал 27 сентября 1870 года в Киеве, уже после трагической гибели сына: «Само собою понятно, что все работы мои остановились, и если бы только мне удалось в эту зиму хоть как-нибудь надиктовать третий том моей „Антропологии“, который в материалах уже готов!»²⁸.

²³ Ушинский К. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. — Изд. 3-е. — Т. 2. — СПб., 1873. — С. 418.

²⁴ Переписка К. Д. Ушинского с Н. А. Корфом // Ушинский К. Д. Собрание сочинений: В 11-ти тт. — Т. 11. Материалы биографические и библиографические. — М. Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1952. — С. 203—204.

²⁵ Там же. — С. 206.

²⁶ Там же. — С. 209.

²⁷ Там же. — С. 211.

²⁸ Там же. — С. 213.

Самые последние письма К. Д. Ушинского были адресованы близкому другу Я. П. Пугачевскому. 1 октября 1870 года Константин Дмитриевич пишет ему из Киева: «Около половины октября, думаю, если будут силы, уехать в Крым и, если Бог даст мне возможность, продиктовать третий том моей „Антропологии“, который в материалах почти готов! Но едва ли станет сил у меня даже и на это. Впрочем, буду надеяться, ибо без надежды и жить невозможно»²⁹.

Великий русский учитель не успел завершить работу над третьим томом своей «Педагогической антропологии». Над первым и вторым томами он усиленно трудился в период с 1864 года до выхода их в свет в 1868 и 1869 годах. Над третьим томом он трудился до самой кончины: умер он 22 декабря 1870 года на 47-м году жизни.

Любовь сподвижников и наследников К. Д. Ушинского к его педагогическому наследию сохранила материалы третьего тома «Педагогической антропологии». Впервые они были опубликованы в 1908 году А. Н. Острогорским³⁰, а впоследствии материалы к третьему тому вошли в 10-й том Собрания сочинений К. Д. Ушинского в 1950 году³¹.

Читая подготовительные материалы к третьей части творения «Человек как предмет воспитания», невольно задумываешься о том, **каким** мог стать завершительный том его педагогической антропологии. И почему с осторожностью К. Д. Ушинский близился к обработке подготовительных материалов к третьему тому главного своего педагогического сочинения?

Когда К. Д. Ушинский в первых двух томах своего труда писал о теле и душе человека и по ходу исследования приближался к ключевым вопросам о смысле, цели и духовности человека, то он, как было сказано выше, отсылал читателя к будущему третьему тому. Ведь для изъяснения сокровенных от внешнего взора таинственных духовных явлений жизни человека необходимы духовные понятия и усилия. Взявшись за окончательную обработку материалов третьего тома, основоположник русской классической педагогики, несомненно, завершил бы свою педагогическую антропологию более обильными, чем в первых двух томах, свидетельствами из Священного Писания...

²⁹ Письма К. Д. Ушинского и Н. С. Ушинской к Я. П. Пугачевскому. — Т. 11. — С. 225.

³⁰ *Ушинский Константин Дмитриевич*. Материалы для «Педагогической антропологии». Т. III и Материалы для биографии / [Предисл. к материалам для 3 т. «Пед. антропологии»: А. Острогорский]. — СПб.: Книгопеч. Шмидт, 1908.

³¹ *Ушинский К. Д.* Собрание сочинений: В 11-ти тт. — Т. 10. Материалы к третьему тому «Педагогической антропологии». — М.-Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1950.

Но поскольку величественный педагогический труд не был полностью завершён, нам нужно благодарить Бога за сохранившиеся материалы и тщательно осваивать их, чтобы **выполнить задание Ушинского-учителя.**

О содержании книги «Дух, душа и тело» святителя Луки

Своему творению «Дух, душа и тело» святитель Лука предпосылает в качестве эпиграфов два изречения святого апостола Павла о духе, душе и теле:

«Живо бо слово Божие и действенно, и острейше паче всякаго меча обоюду остра, и проходящее даже до разделения души же и духа, членов же и мозгов, и судително помышлением и мыслем сердечным» (Евр. 4, 12).

«И всесовершен ваш дух и душа и тело непорочно в пришествие Господа нашего Иисуса Христа да сохранится» (1 Сол. 5, 23).

Таким образом, свою апологетику святитель Лука основывает на трихотомии святого апостола Павла: **богозданный человек — это дух, душа и тело.**

Первую главу святитель Лука назвал так: «Какие выводы мы можем сделать из современного состояния естествознания». Говоря, в частности, о достижениях теоретической физики, он подводит читателя к важнейшему мировоззренческому вопросу о том, **насколько материальны, и материальны ли неведомые ещё учёным формы энергии.** И в связи с этим святитель Лука пишет: «Где же основание к тому, чтобы отрицать законность нашей веры и уверенность в существовании чисто духовной энергии, которую мы считаем первичной и первородительницей всех физических форм энергии, а через них и самой материи?»³²

Что же тогда мог бы сказать святитель Лука о нынешних гипотезах наличия в мире так называемых «тёмной материи» (dark matter) и «тёмной энергии» (dark energy)?!

Говоря о предубеждениях атеистов против религиозной веры, святитель Лука первой причиной называет поверхностное знание как в области науки, так и в области религии: «Знание приводит к Богу, полузнание удаляет от Него». «Полузнание — бич нашего времени: оно-то и создаёт названное только что предубеждение. Во-первых, мы мало знаем фило-

³² Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Дух, душа и тело. — М.: Изд-во «Благовест», 2021. — С. 18.

софию, в особенности ту её область, которая специально относится к этому вопросу, то есть теорию познания, или гносеологию»³³.

Второе заблуждение, по мнению святителя Луки, заключается в том, что **науку смешивают с мнением учёных**. «Между тем именно эти мнения иногда действительно противоречат религии, но со временем оказывается, что они противоречат и природе, и науке, отражающей подлинные явления природы. И возможность этих противоречий от того и происходит, что эти мнения, отражающие не столько объективную природу, сколько вкусы учёных, простираются в эту запредельную для науки область, где начинается простор и для веры, и для суеверия.

Так называемый „научный“ атеизм действительно противоречит религии, но он есть лишь предположение некоторых образованных людей, недоказанное и недоказуемое. Попытка атеистов доказать недоказуемое невольно наводит на воспоминание стихов Пушкина:

Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит
И свой рисунок беззаконный
Над ним бессмысленно чертит.

Теория, что мир не сотворён Богом, есть не научно доказанная истина, а совершенно вненаучная мысль. Так называемый дарвинизм, признающий, что человек посредством эволюции развился из низшего вида животных, а не является продуктом творческого акта Божества, оказался только предположением, гипотезой, уже устарелой и для науки»³⁴.

Святитель Лука писал: «Область точной науки ограничена так же, как ограничены органы научного познания в своей познавательной способности. Но человек хочет и должен знать и то, что за пределами науки, то, что ещё ею не достигнуто и, по самой природе своей, лежит за её пределами. Так, например, психология — есть наука о душевных явлениях. Мы же хотим знать больше, хотим знать душу, потому что жизнь вся есть — встречи и взаимодействия человеческих душ, а душа есть сам человек. Странно было бы утверждать, что наука знает или может знать всё бытие»³⁵.

Таким образом, в своём творении «Дух, душа, тело» святитель Лука решительно опровергает мнение о непримиримом противоречии науки и религии и утверждает православное понимание природы человека. «Всё, что происходит в теле, — пишет он, — все физиологические про-

³³ Войно-Ясенецкий В.Ф. (архиепископ Лука). Очерки гнойной хирургии. — С. 643.

³⁴ Там же. — С. 644.

³⁵ Там же. — С. 642.

цессы направляются духом нашим. Дух творит тело, дух в теле созидает себя, свою форму. Дух властвует над телом»³⁶.

Второй главе книги «Дух, душа и тело» святитель дал название: «Сердце как орган высшего познания». «Наши анатом-физиологические знания о сердце не только не мешают, а скорее даже побуждают нас считать сердце важнейшим органом чувств, а не только центральным мотором кровообращения. Но Священное Писание говорит нам о сердце гораздо больше. О сердце речь чуть ли не на каждой странице Библии, и впервые читающий её не может не заметить, что сердцу придаётся значение не только центрального органа чувств, но и важнейшего органа познания, органа мысли и восприятия духовных воздействий. И больше того, сердце по Священному Писанию есть орган общения человека с Богом, а следовательно, оно есть орган высшего познания»³⁷.

В последующих главах святитель Лука излагает своё апологетическое учение о душе и духе в богозданном мире в целом, в человеке, в животном и растительном мире, о духовной энергии.

«Как же мы представляем себе эту духовную энергию?»

Для нас она есть всемогущественная любовь Божественная. Любовь не может заключаться в себе самой, ибо основное свойство её — потребность изливаться на кого-нибудь и на что-нибудь, и эта потребность привела к созданию Богом мира.

„Словом Господним небеса утвердишася, и духом уст Его вся сила их“ (Пс. 32, 6).

Энергией любви, излившейся по всеблагой воле Божией, Словом Божиим, дано начало всем другим формам энергии, которые, в свою очередь, породили сперва частицы материи, а потом через них и весь материальный мир.

В другом направлении излившаяся любовь Божия создала и весь духовный мир, мир разумных ангельских существ, разум человеческий и весь мир духовных психических явлений (Пс. 103, 4; 32, 6)»³⁸.

Весьма назидательны две завершающие главы книги «Дух, душа и тело», которые имеют названия: «О внутреннем человеке» и «Бессмертие».

³⁶ Лука (Войно-Ясенецкий), святитель. «Сила моя в немощи совершается». — С. 343.

³⁷ Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Дух, душа и тело. — С. 23.

³⁸ Там же. — С. 18.

Заключение

«Педагогическая антропология» Константина Дмитриевича Ушинского и творения святителя Луки (Войно-Ясенецкого) «Дух, душа и тело» и «Наука и религия» не утратили своего апологетического значения до настоящего времени и никогда не утратят. Потому что, чем больше естествоиспытатели узнают о закономерностях Богом зданного мира, тем больше им открывается неизвестного и удивительного! А попытки не признающих ни души, ни духа исследователей всё объяснять, отвергая Премудрость Божию, свидетельствуют о тупике материализма как совершенно недостаточного и внутренне противоречивого способа познания мира и человека.

В советское время имя К. Д. Ушинского как бы не забывалось. Но и полноценного использования его педагогического наследия не было. Причина известна: великий педагог был глубоко верующим православным человеком.

Иеродиакон Нафанаил (Бобылёв) о том времени писал: «Долгое время считалось, что христианское миросозерцание К. Д. Ушинского мешало его педагогической деятельности, успех которой, как это подчёркивалось исследователями его творчества, достигался „несмотря на“ и „вопреки“ его религиозным верованиям. В данном случае мы имеем классический пример „точности наоборот“. Необыкновенный эффект дидактики великого педагога был достигнут не вопреки, но именно благодаря православной вере К. Д. Ушинского. Приведём одно характерное высказывание Константина Дмитриевича:

„Та вера хороша, которая удовлетворяет человеческой натуре, открывая ей бесконечную и не эгоистическую деятельность; даёт терпимость; даёт место науке, свободе мысли; не признаёт ничьей власти над моей совестью, стоит за своё. Но не навязывает, не допускает произвола, хранит исторические предания, признаёт свободу воли, а не фатализм, как турки и протестанты, — словом, наша святая вера“»³⁹.

Подобных высказываний о православии как религии русского народа и о Православной Церкви в трудах Ушинского имеется множество. Из них можно даже составить отдельный сборник. Вместе с тем, при всей важности этих отдельных его высказываний, они должны рассматриваться в контексте православной педагогической антропологии К. Д. Ушинского, которая является ключом к пониманию его дидактики и в целом его педагогического учения.

³⁹ Ушинский К. Д. Собрание сочинений: В 11-ти тт. — Т. 10. Материалы к третьему тому «Педагогической антропологии». — С. 356.

К. Д. Ушинской всю жизнь слышал призыв Христа Спасителя: *«Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим»* (Мф. 11, 20).

Недаром в заключении первого тома «Педагогической антропологии» К. Д. Ушинский пишет о покое, к которому призывает Спаситель: *«„Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим“* (Мф. 11, 20) Но не трудно убедиться, что покой, к которому Христос призывал Своих последователей, вовсе не значит бездеятельность. Прийти к Христу и научиться от Него — не значило ли принять на себя деятельность самую энергическую, деятельность и душевную, и телесную, пренебрегающую не только наслаждениями, но и величайшими страданиями, не только удовольствиями жизни, но и самую жизнь? Следовательно, это какой-то *безгранично деятельный покой — невозможность в мире физическом и величайшая истина в мире психическом*, возможность которой мы все понимаем и потребность которой все мы чувствуем. Научиться покою у Христа — не значит ли научиться тому, как спокойна душа, вся отдавшаяся своему делу, до того отдавшаяся, что она уже не замечает наслаждений, не возмущается страданиями и, не думая о личном своём отношении к делу, не ощущает и никакой гордости им, когда вся душа одна кротость, смирение и самое дело, когда вся она одно могучее творческое слово: *„Да будет!“*⁴⁰

* * *

Дай Бог, чтобы юбилейный год, посвящённый К. Д. Ушинскому, помог нам глубже освоить его педагогическое наследие и научиться применять его в современной педагогической практике.

⁴⁰ Ушинский К. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. — Т. 1. — С. 415.